

Мутантики

Дмитрий Емец

Сокровища мутантиков

«Емец Д. А.»

1999

Емец Д. А.

Сокровища мутантиков / Д. А. Емец — «Емец Д. А.»,
1999 — (Мутантики)

То, что Остров Сломанной Мечты находился очень далеко от Мутатерритории, не могло остановить Рыжую Карлу. Королева карликов должна отыскать сокровища Черного пирата и завладеть Волшебным Мечом, который даст ей власть и силу. Злая королева приказала готовиться к длительной экспедиции. Лобастикам удалось узнать, что реакторные карлики собираются в поход за кладом, и рассказали об этом своим друзьям шерстюшам и кошачьему мутантику Бормоглотику. Посоветовавшись, шерстюши и лобастики решили идти за карликами, следить за своими врагами и лишь в конце пути вырваться вперед и перехватить Меч-кладенец из-под носа Рыжей королевы. Разумеется, план был авантюрный и в нем имелось много уязвимых мест, и вскоре друзьям пришлось в этом убедиться...

© Емец Д. А., 1999

© Емец Д. А., 1999

Содержание

Введение	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дмитрий Емец

Сокровища мутантиков

Введение

На Мутатерриториях, раскинувшихся вокруг взорвавшейся когда-то давно АЭС, живут три народа мутантиков – шерстюши, лобастики и реакторные карлики. Каждый из этих народов обладает своеобразными, удивительными свойствами.

Шерстюши, милые пушистые существа, на несколько минут в день могут становиться невидимыми. Эта способность унаследована от снежных людей, чьими дальними родственниками они являются. У шерстюш большие пульсирующие носы, похожие на груши, которые, когда их обладатели волнуются, набухают и делаются красными.

Лобастики – худенькие мутантики с огромными головами – интеллектуалы и телепаты. Они могут передавать мысли на расстояние, силой воли сдвигают и переносят по воздуху небольшие предметы, а также умеют создавать миражи.

На зиму лобастики впадают в спячку, а их сны могут материализовываться. К примеру, если одному из таких мутантиков снится чудовище размером с трехэтажный дом, это наверняка означает, что в данный момент в лесу шерстюши и реакторные карлики с визгом разбегаются от неизвестно откуда взявшегося монстра. Впрочем, чудовища, пришедшие из снов, недолговечны, и стоит бросить в призрака горсть земли или ком снега, как он рассыплется. Питаются лобастики газетами, журналами, книгами и всем, что сделано из бумаги. Это необычно, но на Мутатерриториях странности есть у всех и здесь никого ничем не удивишь.

Реакторные карлики – низкорослые, мрачные мутантики, наделенные огромной силой, – живут в фундаменте взорвавшейся АЭС. Карлики умеют великолепно маскироваться, принимая форму предметов, равных им по весу, – автомобильных покрышек, пней, бочек, камней – и в таком виде терпеливо поджидают в засаде добычу. Они с удовольствием пьют бензин и мазут, но нескольких капель обычной воды, попавшей им на кожу, бывает достаточно, чтобы заставить этих мутантиков визжать от ужаса. Этот воинственный и тупой народ не первый год старается захватить Странный лес и поработить живущих там мутантиков.

Но шерстюши и лобастики не сдаются, и последний военный поход карликов завершился их полным разгромом. Разбитое войско откатилось к реактору, и Рыжая Карла, королева реакторного народа, в гневе поклялась отомстить за поражение.

Начало истории вы могли прочитать в фантастических повестях «Мутантики» и «Королева мутантиков».

Глава 1

Карла получает секретное известие

Даже если мне трижды придется начинать сначала, я не отступлю!

Карла I Рыжая

Единственная и Неповторимая

– Нафа фофолефа фофсем офуфела! – воскликнул Цыкающий Зуб.

Он постучал себя кулаком по лбу, и раздался гулкий звук, словно от удара по пустой бочке. Цыкающий Зуб гундосил с раннего детства, после того как у него прорезался третий ряд зубов, и все давно привыкли к этому.

– А? Чего?! Тревога? – Карлик Чпок, задремавший на посту, проснулся от резкого звука и схватился за копье.

– Успокойся! Это Зуб по голове барабанит. – Обалдуй осторожно отвел ладонью наконецник копья, которым Чпок спросонья колот во все стороны.

Обалдуй был самым ловким и бесшабашным карликом во всем реакторе. Когда-то он являлся оруженосцем Бешеного Блюда, но за чрезмерное употребление ртути и бензина был разжалован, потерял право носить цепь из скрепок и его перевели на внутреннюю охрану реактора.

– Фет у мефя нифафих фофобностей! – обиделся Цыкающий Зуб. – Я фофарю: фофолефа офуфела!

– Чего он бормочет? – спросил Жлоб и проверил, на месте ли висевший у него на поясе большой кошелек.

Кошелек был всегда набит монетами и кусочками реакторного стержня, но никто не видел, чтобы карлик что-нибудь из него доставал – только наполнял. Заметив бережливость Жлоба, начальник телохранителей Пуп посоветовал Карле назначить его казначеем, но королева сказала: «Мне моя казна пока не надоела».

– Фофолефа офуфела! – разозлившись, что его не понимают, в третий раз повторил Зуб.

– Он говорит: королева сдурела. – Обалдуй был единственным, кто понимал гнусавую речь своего товарища.

– Карлуха и правда сдурела: держит нас в карауле вторые сутки. Хоть бы смену прислала, что ли? – поддержал Зуба Кука.

Кука, реакторный донжуан и любимец карлиц, сидел на ржавом огнетушителе и усердно полировал напильником ногти.

– Тшш! Услышит Карла, что вы говорите, велит утопить нас в пруду! – зашипел Чпок, коротконогий широкоплечий карлик, отличавшийся огромной силой.

– Мы что? Это гундосый начал! Пускай его и топят! – Жлоб, недолюбливавший Зуба за то, что тот недавно выиграл у него в карты два кусочка реакторного стержня, но так и не отдал, ткнул в него пальцем.

– Не фмей нафыфать мефя фунфосым! – Вспыльчивый Цыкающий Зуб рассвирепел и бросился на обидчика с кулаками. Но Жлоб, ожидавший нападения, превратился в стальной сейф и, не чувствуя ударов, хихикал, представляя, как противник расшибает о него кулаки.

Внезапно портьеры раздвинулись, и карлики, мгновенно прекратив возню, вытянулись по стойке «смирно». Из потайного хода, ведущего из тронного зала, появилась Рыжая Карла. Она стремительно прошла мимо стражников, даже не взглянув в их сторону, и исчезла за поворотом коридора, из которого вела лестница в подвал.

– Уф! Кажись, пронесло! – с облегчением выдохнул Обалдуй.

– Куда это она? – спросил Жлоб.

– Ясно куда – в пыточную. – Кука зевнул так, что челюсти у него заклинило, и он смог закрыть рот, только ткнув себя в подбородок.

– Откуда ты знаешь?

– Когда Карла идет в пыточную, всегда надевает красное платье и делает высокую прическу, – уверенно заявил дамский угодник.

Кука достал флакон духов, открыл крышку и капнул на язык. Он всегда так делал, чтобы изо рта не пахло.

Прошла минута, и, словно в подтверждение того, что Кука угадал верно, из подвала донесся дикий вопль. Карлики переглянулись – ни одному из них не надо было объяснять, что происходит внизу.

– Фофо фето? – поинтересовался Цыкающий Зуб.

– Вождей купают за то, что сражение проиграли, – ответил Чпок.

– В чем купают? В воде? – ужаснулся Обалдуй.

– В чем же еще? Искупают с мылом и шампунем и полотенцем вытрут, – кивнул Чпок.

– Причем не простым полотенцем, а небось махровым, чистым! – смакуя, сказал Жлоб, любивший подробные, натуралистические описания пыток.

Остальные поежились. С точки зрения карликов, вытереться чистым полотенцем было настоящим мучением. Они предпочли бы ванну из мазута и половую тряпку.

Вопль из подвала повторился, заставив охранников содрогнуться.

– Да, Карлуха спуску не даст, – закончил беседу Обалдуй.

Сверху раздалось хихиканье, и ржавый огнетушитель, сорвавшись со стены, превратился в Глюка, самого чокнутого карлика во всем реакторе. От неожиданности часовые вздрогнули.

– А я новую наколку сделал! – похвастался Глюк.

– Тебе уже некуда! Разве что на ступню! – сказал Кука.

– Я на ступню и сделал! – Балансируя на одной ноге, Глюк поднял другую и показал.

Все с интересом посмотрели: Глюк был покрыт татуировкой с головы до ног, и даже на ладонях у него пестрели наколки.

Обалдуй снял с пояса флягу с бензином и отхлебнул. Хотя за выпивку на посту могли искупать, он надеялся, что сейчас с ним ребята свои – не выдадут. К тому же бензин по крепости уступал ругти и был для карликов вроде пива.

– Что пьешь, браток? – Глюк завистливо пошевелил проколотыми ушами. В каждом ухе у него было по пятнадцать колец и по три – в каждой ноздре.

– На, глотни! – Обалдуй сунул приятелю фляжку. Не заставляя себя уговаривать, Глюк запрокинул голову, и бензин забулькал.

– Дихлофосику нюхнуть не найдется? – спросил он, вытирая губы.

– Сдурел? Мы же на дежурстве! – сказал Кука и важно скосил глаза к переносице. Они у него могли вращаться в разные стороны независимо друг от друга.

– На дежурстве так на дежурстве, дело такое... – Метким плевком Глюк сбил пролетавшую мимо радиевую осу и с хрустом раздавил ее татуированной пяткой. Мнительный Жлоб заподозрил неладное и осторожно покосился на карлика своими заплывшими глазками.

– Зачем ты в огнетушитель превратился? – как бы невзначай спросил он.

– А, шпионил! – отмахнулся Глюк.

– За кем шпионил-то? – насторожились охранники.

Явно испытывая их терпение, Глюк поковырял в носу большим пальцем ноги.

– За вами, – сказал он наконец. – Мне Пуп велел: влезь, говорит, на стену, замаскируйся и шпионь за всеми подряд. Мало ли что, измена какая в реакторе затевается или повелительницу кто ругать начнет... например, Карлухой обзовет или скажет, что она сдурела... – И Глюк, явно намекая на что-то, прищурился.

Часовые перепугались. Они вспомнили, что судачили о королеве и нелестно отзывались о ней, а за такие дела запросто можно и в пруд угодить.

– Фы федь фифего не фасскажешь, Флюк? Фы с тофой фучшие фузья! – залебезил Цыкающий Зуб.

Глюк покровительственно похлопал его по плечу.

– Ясное дело, не расскажу... Но учтите, парни, с каждого по баллону дихлофоса, и чтоб без дураков... Не то смотрите у меня! – Бывший огнетушитель провел ребром ладони по горлу.

– За нами не заржавеет. Спасибо тебе, Глюк! – разом заговорили обрадованные часовые.

– Спасибо не булькает... – проворчал шпион, и Обалдуй, поняв намек, со вздохом протянул ему фляжку.

Поболтав о том о сем и посоветовавшись, не сделать ли ему татуировку на языке и веках, Глюк удалился.

– Я не знал, что его шпионом назначили, – сказал Кука.

– На повышение пошел, мерзавец! А таким лопухом казался! – завистливо прошептал Жлоб и стал делать зарядку для ушей.

Вернувшись из пыточной, где она учила «уму-разуму» вождей, Рыжая Карла поправила перед зеркалом растрепавшуюся прическу и стала печь блины из силикатного клея и оконной замазки, поливая их удобрениями для комнатных цветов. Когда у королевы бывало дурное настроение, она, чтобы успокоиться, всегда занималась кулинарией.

В ушах у нее все еще продолжали звучать вопли свежeweмытых вождей, которых Карла велела посадить в корыто и поливать из лейки. Бешеный Блюм и Собачий Хвост, впервые в жизни отмытые от грязи, сажи и мазута, клялись, что прикончат всех мутантиков в лесу и что в поражении второго похода на шерстюш и лобастиков виноваты не они, а нагромождение дурацких случайностей.

Будучи карлицей лишь наполовину, королева не понимала, почему ее подданные панически боятся воды. Карлу забавляло, что широкоплечие мускулистые воины, не страшющиеся ни копья, ни меча и спокойно пьющие серную кислоту, от затекшей им за шиворот струйки дождя начинают вопить и кататься по полу. Вот и Блюм с Хвостом после купания представляли жалкое зрелище, и потребуется несколько часов, прежде чем они придут в себя и обретут прежнюю спесь.

Рядом с королевой смущенно переминалась с ноги на ногу верная Требуха. Подбородок у толстухи был залит жиром, в правой ладони она сжимала поджаренную воронью лапку, ее любимое лакомство. Ежедневно Требуха поглощала такое количество лапок, что Рыжая Карла удивлялась, как на Мутатерриториях еще сохранились вороны и грачи.

– Если повелительница желает услышать мое мнение, крутовато вы с ними обошлись. Посадить в корыто – куда ни шло, но намыливать – это просто жучья жуть. Когда вы приказали принести шампунь и вылить несколько капель им на головы, мое сердце едва выдержало это душераздирающее зрелище! – недовольно сказала Требуха.

Рыжая Карла запустила в нее блином, просвистевшим как бумеранг, но толстуха с неожиданной ловкостью присела, и блин попал в начальника телохранителей Пупа, ковырявшего в зубах острием копья.

– Прекрати! Эти олухи только и умеют проигрывать сражения! Я могла казнить их, но проявила милосердие! После купания я прощу их и вновь назначу командовать войсками.

– Но почему, королева? Думаете, купание излечит их от глупости? – поинтересовался Пуп.

Рыжая Карла усмехнулась, поигрывая хвостом висевшей на ее шее лисьей шкуры.

– Глупость неизлечима, и ты это знаешь не хуже меня! Но, как любила говаривать моя бабушка-колдунья, на безрыбье и рак – рыба. Выбирать не приходится.

– Милосердие повелительницы безгранично. Если бы госпожа доверила решать мне, я отрубил бы им головы! Все равно они ими не пользуются, – высказал свое мнение начальник телохранителей, ненавидевший вождей так же сильно, как они его.

– Помолчи, лысый череп! Не то и до тебя доберусь! – оборвала его злая властительница карликов.

Пуп обиженно умолк. Со стороны королевы напоминать о его недостатке было величайшей бестактностью, ибо начальник телохранителей глубоко переживал утрату последней волосинки. Пока у него на голове оставался хотя бы один волос, у Пупа сохранялась иллюзия, что он не лыс, а лысоват. Сейчас, когда и этот, столь оберегаемый волос выпал, его обладатель не мог укрыться от правды. «От всей лысой правды!» – пошутил вчера Бешеный Блюм, у которого с Пупом была давняя вражда.

Начальник телохранителей обратился за помощью к знахарям и знахаркам, пообещав, что даст два больших куса реакторного стержня и вдоволь копченого мяса тому, кто вернет ему шевелюру, но желающие не появлялись, потому что все колдуны знали, как опасно разочаровывать Пупа.

Чего только карлик не перепробовал, чтобы у него вновь появились волосы! Он и грязью голову мазал, и массировал, и приклеивал выпадавшие волосинки пластилином и суперклеем, и, прошептав заклинания, закопал на развилке дорог свиное ребро, но ничего не помогло.

Рыжая Карла испекла с десятков блинов, но вонь от пригоревшего на сковороде клея не принесла ее мятущейся душе успокоения. Когда последний блин, сколько королева с ним ни промучилась, не пожелал покинуть сковороду, Карла, вспыхнув, отшвырнула ее, отправилась в тронный зал и разлеглась на вылезшей медвежьей шкуре. Вопреки ожиданию привычные заботы по хозяйству не только не успокоили ее, но разозлили еще больше.

Пуп и Требуха стояли у дверей, ожидая, что повелительница отдаст какие-то распоряжения, но Карла лежала на шкуре, закрыв глаза, и казалось, забыла о фаворитах.

Тогда толстая карлица достала из висевшей на поясе пистолетной кобуры копченую птичью лапку и задумчиво стала ее обсасывать.

– Не могу понять, какая вкуснее: воронья или грачиная! Тысячу раз сравнивала! – пожаловалась она Пупу.

– А страусиный окорочок не пробовала? – поинтересовался он.

– Иди ты, охальник! Страусиный ему! – Требуха хихикнула и дружески двинула его локтем под ребра, после чего Пуп, согнувшись, долго икал и кашлял. Но слова про страусиный окорочок заставили толстуху мечтательно задуматься, особенно когда она представила себе его размеры.

– Размышляешь, где страуса раздобыть? В Африку тебе надо идти, – посоветовал начальник телохранителей.

Пораженная его образованностью, жирная карлица с уважением посмотрела на Пупа:

– А где эта Африка?

– Фиг ее знает! На карте где-то!

Требуха вздохнула. Она пошарила в кобуре, убедилась, что запас вороньих лапок иссяк, и стала ковырять обглоданной косточкой в ухе.

Когда же, посчитав, что королева заснула, ее приближенные решили незаметно удалиться, Рыжая Карла внезапно крикнула:

– Эй, вы, прихвешники! Куда намылились? Главного шпиона ко мне!

Но звать никого не пришлось.

– Я здесь, повелительница! – послышался тоненький писклявый голосок, и из-за шторы, скрывавшей дверь потайного хода, выглянул маленький скособоченный карлик в черном плаще. Это был главный шпион Нытик. Его красные всевидящие глазки вечно слезились, отчего казалось, будто он непрерывно плачет.

Увидев, что Нытик появился из секретного хода, которым он не имел права пользоваться, королева приподнялась на медвежьей шкуре:

– Нытик, где ты был?

– За занавеской, королева! – Карлик согнул спину в угодливом поклоне. Теперь он был похож на вопросительный знак.

– Что ты там делал? Шпионил за мной, мерзавец?

Рыжая Карла нахмурилась, а ее рука потянулась к висевшему на поясе метательному кинжалу. Нытик посерел от страха и попятился:

– Что вы, повелительница? Я прибыл минуту назад и решил воспользоваться секретным ходом, чтобы не привлекать внимания стражи! Прошу вас, королева, неужели вы думаете, что я способен на нехороший поступок? Я даже маленькой мушки не обижу, зайчика раненого встречу – лапочку ему перевяжу!

Голос главного шпиона подрагивал от честности и убедительности, но Пуп с Требухой, хорошо знавшие его, хихикнули. Карла недоверчиво усмехнулась, но ее ладонь на кинжале разжалась, а Нытик, кланяясь, как китайский бол ванчик, осмелился приблизиться к разгневанной повелительнице.

– Если твой секрет ничего не стоит, ты мигом отправишься принимать ванну! – пригрозила она. – Рассказывай!

Карлик втянул голову в плечи и настороженно огляделся, продолжая хранить молчание.

– Язык прикусил? – съязвила королева, и Требуха с Пупом, которые терпеть не могли главного шпиона, захрюкали от смеха.

– Это очень важный секрет. Ваше Величество захочет услышать его без чужих ушей... – И Нытик покосился на своих врагов.

– Ты их называешь «чужими ушами»? Им нельзя знать? – Карла кивнула на начальника телохранителей и толстуху.

– Когда я расскажу, вы сами решите, стоит ли посвящать в это своих приближенных. Я не уверен, умеют ли они молчать.

Рыжая Карла насмешливо посмотрела на фаворитов.

– Требуха, Пуп, подите сюда! Это правда, что вы не умеете молчать?

Начальник телохранителей достал из кармана бархатную тряпочку и вытер лысину. Он любил, чтобы она всегда блестела.

– Мы немые как рыбы! – обиженно сказал Пуп.

– Унесем ваши тайны с собой в могилу! Вынесем любые пытки! – взволнованно подхватила Требуха.

Королева села на трон и закинула ногу за ногу.

– Ой ли, милочка? А если на твоих глазах будут есть вороны крылышки, а с тобой не поделятся?

Толстуха, представив это, побледнела и схватилась за сердце.

– Это будет уже не пытка, Ваше Величество, а изуверство! – воскликнула она.

Карла расхохоталась, но резко оборвала смех.

– Ладно, Нытик, сообщай секрет! А вы, Пуп и Требуха, марш отсюда и не вздумайте подслушивать!

Фавориты смирили обидчика угрожающими взглядами, а тот, торжествуя, показал им язык. Выйдя из тронного зала, приближенные жадно прильнули ушами к щелям, но не смогли разобрать ни слова – шпион говорил шепотом.

– Вот скотина! Ничего, как-нибудь я с ним расквитаюсь! Подолью в капли для носа, которые он пьет по утрам, растительного масла! – пробормотала карлица.

– Натуральные продукты – самый страшный яд! Давай-ка, тетушка Требуха, пропустим по стаканчику нашего успокоительного! – Пуп снял с пояса флягу с ртутью.

– Ишь ты пьяницу какую нашел! – засмущалась карлица, но ее заплывшие глазки алчно заблестели. Она вырвала флягу, в три глотка выпила всю ртуть до дна и ради приличия скривилась.

– Ну ты даешь, тетушка! Даже я так бы не смог! – поразился начальник телохранителей.

– У меня было трудное детство! Меня никто не любил, и приходилось заботиться о себе самой. – Требуха всхлипнула и вытерла нос рукавом.

Пуп сочувственно закивал:

– Я тоже мог рассчитывать только на себя. Отец и старшие братья меня колотили, а мать то жалела, то била.

Продолжая вспоминать детство и жалеть себя, оба фаворита обнялись и, пошатываясь, поплелись на кухню реактора. По пути Требуха ловко поймала за ухо пытавшегося прошмыгнуть поваренка Дрызга и, выкрутив ему ухо так, что тот взвизгнул, потребовала:

– А ну, малец, тащи нам жареных ворон, овцу да еще ведро с бензином!

– Где я вам все достану? – завопил Дрызг.

– А нам по барабану! Доставай где хочешь! Не то мы тебя самого сожрем! – мрачно добавил Пуп.

На кухне толстуха вытащила из-за печки старшего повара Хапчика, который недавно продал на сторону два окорока и теперь прятал в укромном уголке кусочек реакторного стержня.

– Такой-сякой, отвечай, почему утром котлеты были невкусные? Опять фарш украл? – потребовала у него отчета Требуха.

– Ничего я не крал! Кошка попалась худая! – оправдывался Хапчик.

– Никак не хотела в мясорубку лезть! – добавил Дрызг, потирая распухшее ухо.

Пока приближенные рыскали по кухне и заглядывали в дальние котлы, подозревая, что именно там повара прячут лакомые кусочки, карлики Чпок, Кука, Жлоб, Цыкающий Зуб и Обалдуй с завистью смотрели через окно, как пирует начальство, и пускали слюни.

Тем временем в тронном зале Нытик шепотом спрашивал королеву:

– Вы когда-нибудь слышали о сокровищах Черного пирата?

– Сокровища Черного пирата? Что ты о них знаешь? – В голосе Рыжей Карлы появилась хрипотца, а зрачки сузились, как у злой кошки.

Об этом кладе на Мутатерриториях много лет ходила таинственная легенда. Рассказывали, что пират, живший в XVII веке, собирал свои сокровища несколько десятилетий, нападая на четырехмачтовом стопятидесятипушечном корабле «Фортуна» на торговые суда, направлявшиеся из Америки в Европу.

Трудно представить, сколько золота, драгоценных камней и жемчуга удалось захватить пирату и сколько обстрелянных ядрами «Фортуны» кораблей отправилось на дно, получив пробоину ниже ватерлинии. Но мало ли на свете удачливых пиратов, героев и полководцев! История давно бы забыла о морском разбойнике и его сокровищах, если бы однажды Черный пират не взял на abordаж небольшую исследовательскую шхуну.

Пираты были разочарованы. В ее трюмах они не нашли ни золота, ни дорогого груза, который можно было продать на Ямайке, только глиняные черепки и части разбитых мраморных статуй. И еще на корме стояли два больших колокола, опускавшихся за борт на цепях.

В надежде, что это спасет им жизнь, матросы шхуны сообщили, что недавно они отыскали на океанском дне затонувший остров – Атлантиду. Черного пирата не интересовали затонувшие острова, но в каюте капитана он нашел древний бронзовый Меч в ножнах, гравированных магическими знаками. Матросы утверждали, что Меч волшебный и наделяет того, кто им владеет, властью и силой.

Пират не очень-то в это поверил и вскоре, спрятав свои сокровища на одном из необитаемых островов, зарыл вместе с ними и найденный Меч.

О том, что Меч-кладенец действительно существует, Рыжая Карла слышала от бабки-колдуньи; о нем же неоднократно упоминалось в волшебных книгах. Больше всего на свете королеве карликов хотелось заполучить его в свои руки, и, когда Нытик упомянул о сокровищах, она сразу вспомнила связанные с ними легенды.

– Что ты знаешь о сокровищах Черного пирата? И не вздумай обмануть меня, шпион! – повторила Рыжая Карла, уже не в силах сдержать нетерпение.

– Я нашел старинную карту, повелительница. Она была в бутылке, а бутылка лежала в песке высохшего затона, того самого, который соединяет пролив с океаном.

– Как ты очутился в высохшем затоне? Туда же нужно бежать целый день! – удивилась королева.

– Я искал ракушки, Ваше Величество, – объяснил Нытик. – Вы знаете, я их собираю. В затоне встречаются иногда очень красивые. Если приложить к ракушке ухо, то она гудит вот так: «У-у-у!»

Рыжая Карла расхохоталась. Ей показалось забавным, что неутомимый охотник за чужими тайнами, способный исподтишка всадить в спину половинку ножниц, готов целую ночь и день провести в пути, чтобы услышать, как шумит океан в ракушке.

– Я отошел подальше от берега и стал разгребать песок. В этом месте он образует небольшой холм, там когда-то была коса. Я давно заметил, что, если раскапывать песок рядом с косой, можно найти много интересных...

– Ракушек! – перебила его королева.

– Ну да, ракушек, – смутился Нытик. – Но они почему-то не попадались, хоть я вырыл глубокую яму. Я уже решил копать в другом месте, но нащупал что-то продолговатое и вытащил из песка бутылку странной формы. Представьте, королева: большая стеклянная бутылка, снаружи обтянутая серебряной сеткой, с широким четырехугольным горлышком. Совсем не похожа на те, которых полно на свалке.

– Без подробностей! Мое терпение на исходе! – рассердилась Рыжая Карла.

Но без подробностей сообщение утрачивало для Нытика всякий смысл. Он затараторил в три раза быстрее:

– Горлышко бутылки было закупорено плотным слоем воска и сургуча. Естественно, повелительница, мне стало любопытно. Я снял сургуч, очистил воск и вытащил карту, совершенно сухую, несмотря на то что бутылка долго была в воде.

– Откуда ты знаешь, что это была карта Черного пирата? Мало ли на свете других корсаров, прятавших клады!

– По эмблеме. У него была особенная эмблема: скелет, виселица и пушка. И эти три знака изображены на карте и на серебряной сетке.

– Не врешь?

– Чтоб мне никогда в жизни не есть гуталин и не пить жидкость для мытья посуды! – поклялся главный шпион.

– Дай карту, я хочу взглянуть! – Карла требовательно протянула руку.

Нытик открыл висевшую на поясе сумку и извлек неровный, пожелтевший от времени кусок пергамента. Сгорая от нетерпения, королева выдернула у него карту. На краю пергамента она увидела оттиснутую эмблему: скелет, виселицу и пушку – и почувствовала сухость во рту. Те же самые символы были и в магических книгах – значит, карта настоящая, а не подделка, как она решила вначале.

На карте был изображен похожий на спящего кота скалистый остров, с начертанным у правого берега жирным красным крестом. Слева от острова шел столбик чисел, и Рыжая Карла предположила, что это координаты. Внизу корявым почерком было нацарапано несколько строк на неизвестном языке. Порывшись пару часов в словарях, запыленные тома которых

хранились в ящике под троном, королева смогла перевести надпись на русский язык. Вот что она гласила:

«ДА СМИЛЮЮТСЯ НАД НАМИ НЕБЕСА! НАС ПРЕСЛЕДУЮТ ТРИ БАРКА И БРИГ. ПОЛОВИНА ЭКИПАЖА ПОГИБЛА, ФОК-МАЧТА СБИТА, ЯДРА И ПОРОХ ЗАКОНЧИЛИСЬ. ЧУВСТВУЮ, ЧТО ЭТОТ БОЙ СТАНЕТ ДЛЯ НАС ПОСЛЕДНИМ, НО СПУСКАТЬ ФЛАГ НЕ БУДЕМ. ЛУЧШЕ СО СЛАВОЙ ПОГИБНУТЬ В СРАЖЕНИИ, ЧЕМ ЗАКОНЧИТЬ ЖИЗНЬ НА ВИСЕЛИЦЕ.

ЧТОБЫ НЕ УНЕСТИ ТАЙНУ С СОБОЙ В МОГИЛУ, Я БРОСАЮ В ВОЛНЫ ЭТУ БУТЫЛКУ.

МЫ СПРЯТАЛИ СОКРОВИЩА НА ОСТРОВЕ СЛОМАННОЙ МАЧТЫ. ИЩИТЕ ПОД КОРНЯМИ СТАРОЙ СОСНЫ НА ЮГО-ЗАПАДЕ ОСТРОВА.

ЕСЛИ НЕ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ МЫ ВОЗНЕНАВИДЕЛИ ВАС, ПОМОЛИТЕСЬ О НАШИХ ГРЕШНЫХ ДУШАХ.

*ЧЕРНЫЙ ПИРАТ,
КАРАВЕЛЛА «ФОРТУНА»,
14 ФЕВРАЛЯ, ГОД 1602».*

Пока Карла переводила, Нытик неподвижно стоял рядом и не отрывал взгляда от повелительницы. Неграмотному шпиону казалось, что она занимается ворожбой, складывая слова из таинственных значков и отыскивая их значение в магических книгах.

Королева сидела напротив окна, и свет золотил ее густые рыжие волосы, образуя вокруг головы желтый полукруг, в то время как лицо оставалось в тени. Когда ей долго не удавалось найти нужное слово, Карла, раздражаясь, вырывала из словаря несколько страниц и, скомкав, швыряла их на пол. Если бы лобастики увидели, что она делает, то заявили бы, что королева не в своем уме, если ведет себя так варварски и расшвыривается вкусняшками.

Наконец, осознав смысл написанного, повелительница карликов вскочила, выхватила кинжал и, подняв его к небу, торжественно провозгласила:

– Клянусь своей бабушкой, рыжей колдуньей, если мне удастся найти Меч-кладенец, я расквитаясь с врагами, покорю лес и стану единственной властительницей Мутатерриторий! Шерстюш, лобастиков, крыланов – всех порабошу!

– А я, повелительница? Вы приблизите меня к себе? Сделаете своей правой рукой? – Нытик, волнуясь, наклонился к лицу Карлы.

Та брезгливо поморщилась и оттолкнула его:

– Не дыши на меня! Ты чистишь зубы после того, как пьешь отраву для тараканов?

– Не чищу, но я их каждый раз подпиливаю, иначе они вырастают такие длинные, что рот не закрывается! – признался шпион.

Но королева не обратила на его слова никакого внимания. Она разглядывала карту, перебирая шерсть любимой собаки Нерпы, вбежавшей в зал. Заметив, что мешает повелительнице, Нытик незаметно попятился к двери, но Карла остановила его властным движением руки:

– Завтра к восходу солнца будь готов!

– Готов-то я всегда готов, но к чему? – осторожно поинтересовался Нытик.

– Мы отправляемся за сокровищами Черного пирата. На этот раз, предчувствую, нас ожидает удача! Вскоре черепа врагов будут на остриях наших копий! Главное сейчас – добраться до океана и найти корабль.

– Значит, мы – пиратский экипаж, а вы – наша капитанша! Хи-хи! – подобострастно сказал шпион.

– Ступай, Нытик! Сегодня у тебя будет много дел. Распорядись заготовить в дорогу провизию, выгребь все запасы: возможно, нам придется провести в пути несколько месяцев. Возьми побольше кусочков реакторного стержня, чтобы не было недостатка в радиации. Не хочу, чтоб мои подданные болели. Далее – отправишься в оружейную и отберешь лучшие доспехи и оружие: мечи, копья, штурмовой арбалет, метательные ножи и кнуты с крючьями. Все запомнил?

– Да, повелительница!

– Выполняй! И помни, за лишнее взыску не будет, но, если в пути что-нибудь понадобится и окажется, что ты забыл это взять, тогда тебе придется самому в это превратиться... Чего дрожишь, тупица?

Нытик представил, что в дороге королеве потребуется, допустим, кувалда, которой у них не будет, и повелительница станет забивать сваи его головой, и зубы у бедняги громко застучали от страха.

Отослав главного шпиона, Рыжая Карла расстелила на полу подробную географическую карту, заботливо подклеенную в вытершихся местах прозрачной пленкой, и, сопоставив длину и широту, отметила карандашом точку в Тихом океане. То, что это было очень далеко от Мутатерриторий, озадачило королеву, но не уменьшило ее желания завладеть сокровищем. Она не собиралась отступать, и любые препятствия на пути к достижению цели лишь разжигали ее азарт.

«Это на другом конце Земли! Жаль, нельзя взять Герцога. Без больших доз радиации он быстро окаменеет», – подумала повелительница карликов.

Черный Герцог – огромная летучая мышь-мутант, служившая Карле для полетов, – боялся солнечного света и охотился по ночам. Днем он обычно висел на чердаке головой вниз, а в безлунные ночи бесшумно скользил над Мутатерриториями, выискивая добычу.

Решив, что главное – выступить в поход, а в дальнейшем обстоятельства подскажут, королева прилегла на медвежью шкуру и сразу уснула. Утро вечера мудренее – было ее принципом. Карла умела мгновенно засыпать и моментально просыпаться, быстро освобождаться от забот и стремительно в них погружаться – неоценимая способность, которой должны быть наделены все, кто хочет участвовать в длинном марафоне под названием «власть». Карле снился бронзовый Меч-кладенец и его ножны с магическими символами. Они шевелились, как змеи, и было в них что-то угрожающее.

Королева спала, а верная Нерпа, насторожив уши, охраняла ее сон. Изредка, когда со двора реактора доносилось разудалое пение Пупа и Требухи: «Жили у бабуси два трехногих гуся – ик! Один красный, другой синий – два трехногих гуся – ик!» – шерсть на загривке красноглазой собаки вставала дыбом и что-то внутри ее начинало клочкотать. Фавориты не подозревали, что завтра им предстоит дальнейшее путешествие, иначе предпочли бы завалиться спать.

Глава 2

Шерстюши

Бубнилка, открой жевалку, папусик принес вкусняшки!
Хорошист

Рано утром задребезжала кастрюля, в которую с вечера для усиления звука был поставлен будильник. Бормоглотик открыл глаза и зевнул. Рядом на подушке сидела розовая жаба Биба и держала во рту упаковку с аспирином. Увидев, что хозяин проснулся, жаба быстро проглотила лакомство и насмешливо уставилась на Бормоглотика тремя глазами. «Что, получил?» – словно спрашивала она.

– Я и не собирался! – ответил на ее вопрошающий взгляд мутантик и, почесывая два пупка на розовом круглом животике, вышел из шалаша, расположенного на островке в центре болота.

– Эгей! Эгей! Бормогло-о-о!.. – вдруг услышал он.

На другом берегу стояла его невеста Трюша и махала ему рукой.

– Приве-е-ет! – закричал ей в ответ кошачий мутантик.

– ...ди ...ам ...автрака-а! – донес ветер, и Бормоглотик догадался, что это приглашение: «Иди к нам завтракать!»

Позавтракать он был всегда не прочь, впрочем, как и пообедать и поужинать.

– Иду! – крикнул жених и стал пробираться по одному ему известным кочкам к невесте. Для остальных болото считалось непроходимым, но не для кошачьего мутантика, который два десятка лет прожил на островке. Многие в лесу называли это место Бормоглотиковой топью.

Оказавшись на берегу, он первым делом поцеловал Трюшу, большой мягкий нос которой стал пунцовым и загорелся, как лампочка.

– Ятл! – сказал жених.

– Ятл! – ответила ему невеста.

Это был их особый язык, язык влюбленных, на котором «ятл» означало: «я тебя люблю».

После того как Бормоглотик ее поцеловал, Трюша занялась своим любимым делом. Она стала бросать в болото мелкие камешки, наблюдая, как они булькают. Вначале камешек с всплеском уходил под воду, а через некоторое время на поверхности вспыхивало яркое пятно, поднимавшееся из глубины. Шерстюше нравилось, что никто не мог заранее предугадать его цвет: иногда пятно было красным, порой зеленым или оранжевым, временами желтым или лазурно-синим.

Трюша даже придумала игру, увлеклась ею сама и заставляла играть жениха. Правила были простыми: мутантики загадывали цвет, например оранжевый, и бросали по очереди камешки в болото. Выигрывал тот, после броска которого всплывало оранжевое пятно. Призом, естественно, был поцелуй, хотя однажды, отступив от обычного правила, хитрая шерстюша потребовала целую упаковку вкусных лекарств.

Мутантики много раз пытались объяснить необычное явление, но так и не смогли найти ответ. Бормоглотик предполагал, что когда-то на месте его болотца стоял завод, но потом земля разверзлась и поглотила его. Эту версию подтверждали поваленные электрические столбы, натянутая проволока от которых пряталась на дне топи.

Ясным солнечным утром на болоте красиво светились облученные кувшинки. На их широких листьях, раздув шеи, сидели пучеглазые, неповоротливые лягушки самых разных цветов и оттенков. Они с опаской косились на красную цаплю, которая, поджав ногу, стояла на мелководье. Она делала вид, что дремлет, но лягушек нелегко было провести: они знали, что

третий глаз, расположенный в густом оперении шеи, внимательно наблюдает за ними. Стоит зазеваться – немедленно щелкнет длинный острый клюв, и одной лягушкой станет меньше.

Ночью прошел дождь и выжег всю траву и листья в лесу. С первыми жаркими лучами красного солнца¹ над лесом повисла белесая дымка испаряющейся кислоты. Если внимательно прислушаться, можно услышать, как наливаются влагой громадные грибы-кислотники. К вечеру грибы оглушительно взрываются, разбросав во все стороны крошечные споры. Они попадают в трещинки в земле и в них терпеливо дожидаются очередного ливня.

Трюша и Бормоглотик жадно вдыхали полной грудью свежий, с примесью аммиака и свинца, лесной воздух.

– Красивая осень! – мечтательно сказал мутантик с двумя пупками, сворачивая на едва заметную тропинку, петлявшую между березовой рощей и пригорком.

– Побежали! Мама будет ворчать, что мы специально опоздали к завтраку! – Трюша схватила жениха за руку, и они помчались по тропинке к небольшой поляне у ручья, где стоял собранный из пустых коробок, набитых травой и затянутых сверху полиэтиленом, домик ее родителей. Когда-то у шерстюш был каменный дом с зеленой крышей, но его разрушили реакторные карлики во время своего первого завоевательного похода, а новый пока не отстроили.

На траве была расстелена большая географическая карта, заменяющая мутантикам скатерть. Рядом на старом диванчике с торчавшими из обивки пружинами сидели Пупырь с Мумуней. На коленях у Мумуни в переделанном под детскую коляску деревянном ящике посапывали двое близнецов.

– Вот и наш женишок пожаловал! Как говорил Юлий Цезарь: «veni, vidi, vici» – «пришел, увидел, победил» в классическом переводе или в моей интерпретации: «притащился, уселся, поел»... – витиевато приветствовал Бормоглотику Пупырь.

Руки у шерстюша-философа были сложены на животике, и он быстро шевелил большими пальцами. Когда Пупырь так делал, это означало, что он в хорошем настроении. Папа-мутантик хотел продолжить философские рассуждения, но его прервала Мумуня:

– Пупырь, когда я ем, то глух и нем! В детстве тебя этому не учили?

– Учить учили, да впрок не пошло. Я скорее согласен оглохнуть, чем онеметь! Язык у меня – самая трудолюбивая часть тела! – проворчал папа-мутантик, но, подавившись куском мыла, закашлялся и вынужден был сделать в разговоре паузу. Его желудок, не любивший пауз в получении пищи, что-то недовольно пробурчал.

На завтрак мама-мутантик приготовила кашу из стирального порошка, густо приправленную кусочками ваты и политую микстурой от кашля с добавлением зеленки.

– Ешьте кашу с мылом! Или не получите клея на десерт! – как маленьким напомнила им Мумуня, нарезая ножом хозяйственное мыло. Она щедро намазала его кремом для обуви и протянула Бормоглотику.

Трюша болтала ложкой в каше, наблюдая, как появляются и лопаются пузыри, и думала, что каша чем-то похожа на Бормоглотикову топь. Но сегодня порошок пузырился меньше обычного. Это потому, что Мумуня добавила в нее больше жидкости от мозолей и детской присыпки, чем всегда.

– Не веди себя как маленькая! Ешь! Одним мылом сыта не будешь! – сказала мама, заметив, что дочь плохо ест.

– Эх! Если б можно было пить только шампунь и жидкость для мытья посуды – вот была бы роскошь! В крайнем случае я не прочь съесть мочалку или сжевать катушку-другую хороших ниток, но каша из стирального порошка – бээ! – высказалась Трюша.

¹ В местах, где озоновый слой планеты нарушен, солнце на рассветах и закатах всегда кажется красным.

Пупырь, которого никогда не нужно было уговаривать, отрезал большой кусок резины, намазал его обувным кремом, сверху положил кусок шерстяной ткани и обмотал лейкопластырем.

– Я, как древний спартанец, люблю незамысловатую, но питательную еду! – назидательно сказал он, целиком заглатывая диковинный бутерброд.

– Ни у одного древнего спартанца не было такого животика! За такие животики их сбрасывали с Тарпейской скалы, – парировала Мумуня, намекая на то, что ее муж не следит за своей фигурой.

– Это не твоя заслуга, что я такой толстый! Во мне природа приблизилась к совершенству и достигла единства формы и содержания! – произнес Пупырь.

Живот у папы-мутантика и правда был исключительным. На нем не застегивались ни одни даже самые большие брюки, и, хотя Мумуня их расставляла, стоило папе-мутантику присесть или наклониться, они тут же трещали по швам.

Впрочем, сам шерстюш отрицал, что он толстый, и, когда ему об этом говорили, заявлял: «Где вы видите пузо? Это не пузо, это комок нервов!»

Мирный семейный завтрак был прерван внезапным дребезжащим звуком. Из кустов на ржавом велосипеде со спущенными шинами показался Хорошист. Сзади на багажнике подпрыгивала его маленькая дочь Бубнилка.

Лобастик не учел, что тропинка идет под уклон. Пытаясь остановиться, он крутанул педали в обратную сторону, но тормоза старого велосипеда не работали, и Хорошист врезался в дом из коробок. Бубнилку забросило на крышу, а ее недотепа отец проехался животом по скатерти, опрокинув кастрюлю с кашей. Мумуня горестно вздохнула, один Пупырь остался невозмутим.

– Как здорово, что ты успел к завтраку. Присаживайся с нами! – приветствовал он приятеля.

Хорошист вскочил, не замечая, что перепачкался в гуталине и зубной пасте.

– Нафталиновые вы мои! Вы тут лопалками занимаетесь, дураковаляшничаете, а Рыжая Карла затевает хамское хамство! – крикнул он, как обычно изобретая новые слова.

Увидев, что Бубнилка не может спуститься с крыши, Бормоглотик помог ей.

– Что придумала злая Карла на этот раз? – поинтересовался он.

– Дедусик Умнюсик перехватил мыслишку шпиончика Нытюсика! Он нашел картушку с кладиком Черненького пиратюсика, и карлюшки отправляются на их искалки! Они хотят загрести в свои хапалки Меч-кладенец, – выпалила Бубнилка.

Она ловко прыгнула с крыши на плечи Бормоглоту и уселась на него верхом. Кошачий мутантик вздохнул. Еще недавно девочка говорила нормально, но, к сожалению, переняла у папочки привычку коверкать все слова так, что ее с трудом можно было понять.

– Меч-кладенец? Разве это не философская абстракция и не литературный образ? – удивился Пупырь. Как все жители Мутатерриторий, он слышал старинную легенду, но считал, что это выдумка.

Хорошист надел на велосипед соскочившую цепь, прищемив себе палец.

– Ух ты, кутепуськи фруктовые! – ругнулся он и, подув на палец, продолжил: – Карлуха уверена, что картишка взаправдыжная. В реакторишке идут собирашки и снаряжалки! Карлики готовятся к длительной экспедрыге. Одних жралок берут на пятьдесят дрыхалок.

– Без карликов на Мутатерриториях станет спокойнее. Вот бы они нашли себе другой реактор, поселились в нем и раздумали возвращаться! – мечтательно сказал Бормоглотик.

Лобастик укоризненно уставился на него и покрутил пальцем у виска:

– Где твои соображалки, Бормоглот? У тебя в голове мозгодрыги или пельменяшки?

– Не знаю, не заглядывал, – честно признался тот.

– Вначале загляни, а потом мечталки мечтай! Представь, что будет, если Рыжая Карла отыщет Мечище! Страхолюдики и ужасалки, дрожалки и пугалки!

– Ну и пускай берет его себе! Подумаешь, какая-то ржавая сабля! – Пупырь взмахнул половником.

Хорошист с ужасом посмотрел на него, будто он произнес немыслимую глупость. Растяпа лобастик сделал шаг назад, наступил на тарелку с кашей и расколол ее.

– Гуталиновые вы мои! Как можно быть такими непонимашками? Открываете болтодрыги и несете абсолютные ерундилки! – воскликнул он.

– Будь любезен, золотой ты наш, не ходи по завтраку, как по паркету! – едва сдерживаясь, попросила Мумуня, которая в отличие от Пупыря не могла спокойно смотреть, как недотепа топчется по скатерти и давит посуду.

– Не ходи по завтракалкам? По каким завтракалкам? – Лобастик устоял под ногами и был несказанно удивлен, обнаружив, что стоит в каше.

– Примите мои прощалки и извинялки! А я думаю, откуда сырилки и мокряшки? – пораженно воскликнул Хорошист.

Пока он осмысливал неожиданное превращение сырилок и мокряшек в продукты питания, Бубнилка, более толковая, чем ее взбалмошный отец, рассказала шерстюшам о Мечекладенце и о том, как с его помощью Рыжая Карла надеется получить громадную власть.

Пупырь начал глубокомысленно пульсировать носом:

– Когда-то я читал сказку про кладенец, которым Иван-царевич отрубил головы Змею Горынычу. Интересно, это тот меч или другой?

– Наверное, тот. Ведь «кладенец» от слова «клад», – предположила Трюша.

– Я тоже читала эту сказульку! Вкусенькая была книжулька, особенно картинюски! – Бубнилка мечтательно облизнулась.

Мутантики погрузились в раздумье, из которого их вывел Бормоглотик. Мутантик с двумя пупками вскочил и решительно сказал:

– Мы не можем рисковать! Меч-кладенец – вполне реальная сила, и будет ужасно, если Карла использует его против нас. Я отправлюсь за королевой карликов и постараюсь найти Меч раньше, чем она!

Хорошист поскреб подбородок, пошевелил губами и поднял с травы ржавый велосипед.

– Мечталки и воображалки! Ты один ничего не сможешь сделать, Бормоглот! Я еду с тобой!

– И я с вами! Не отпущу своего жениха, а то мало ли загребуших крутится! – то ли в шутку, то ли всерьез высказалась Трюша.

– Мы тебя не отпустим! – запретила Мумуня.

– А я убегу! – задорно крикнула Трюша.

– Мы тебя свяжем! – рассердился Пупырь.

– Не свяжете!

– Почему это не свяжем? Морским узлом! А ну, Мумуня, давай ее обматывать! Кажется, веревка у нас на коробках висела.

Шерстюши забежали, ища веревку, а Трюша только хохотала. Она видела, как несколько минут назад веревку слопала Бубнилка, сейчас сидевшая как ни в чем не бывало. Ничего не найдя, родители вернулись к костру.

– Что, связали? – ехидно поинтересовалась дочка.

– Ничего, пойду вечером на свалку и найду другую веревку. Даже целый канат! – пригрозил Пупырь.

– А я до вечера ждать не буду. Я прямо сейчас с Бормоглотом ухожу!

Против такого аргумента нельзя было возразить, и шерстюши призадумались. Они знали, что если Трюша заупрямится, то никакие доводы не помогут. Мутантики пробовали уговари-

вать дочь, но она была непреклонна, и родителям пришлось смириться. Бормоглотик поклялся, что скорее сам умрет, чем с головы его невесты упадет хотя бы волос.

Пригорюнившись, Пупырь и Мумуня сидели на диванчике, но, когда Трюша начала прощаться, папа-мутантик, не выдержав, стукнул кулаком по колену.

– Была не была! И я с вами! Куда вы без моих советов? – воскликнул он.

– Ура! Я знала, ты нас не бросишь! – И дочка, к легкому неудовольствию жениха, повисла на шее у отца.

Мумуня, несмотря на нежелание расставаться с мужем и дочерью, вынуждена была остаться, потому что недавно родившихся близнецов не представлялось возможным взять с собой.

Шерстюши и лобастики решили идти за карликами, стараясь, чтобы их не заметили, следить за своими врагами и лишь в конце пути вырваться вперед и перехватить клад из-под носа у Рыжей королевы. Разумеется, план был авантюрный и в нем имелось много уязвимых мест, и вскоре друзьям пришлось в этом убедиться.

А пока Хорошист вывел велосипед на тропинку и перебросил ногу через раму.

– До свидания, фрямки брюмкнутые! – попрощался он. – Встречаемся в полдень возле развилища дорожищ!

– А ты куда?

– Захвачу Отелло и дедушку Умника! Уверен, они захотят отправиться с нами! Жаль, мы не успеваем пригласить Главного Филина!²

– Ничего, мы и без Филина управимся! – успокоил лобастика Бормоглотик.

Перед тем как усесться на багажник позади отца, Бубнилка по привычке стала кланяться у Пупыря какую-нибудь книжку.

– Пупырюша, не будь жаднущей! Я ее почитаю и верну! – умоляла она.

Но тот ничего ей не дал, зная, что у лобастиков есть привычка проглатывать понравившиеся книги.

Как-то он одолжил друзьям свой любимый философский словарь, а они выгрызли из него несколько глав. «Когда я читаю, то дико переживаю! А когда переживаю, не могу остановиться и жую все подряд!» – объяснял Отелло, брат Хорошиста и большой любитель серьезной литературы.

– Значит, не дашь книжусечку? – надулась Бубнилка, когда отец посадил ее впереди себя на раму.

– Нет, не дам!

– Ну и брюмкнутый же ты!

– Бубнилка! Нельзя позволять себе таких разговаривалок со взрослыми! – одернул ее Хорошист.

– Я с ним не разговариваю, я на него дуюсь! Тоже мне, читака нашелся! И сам не ест, и другим не дает! – заявила малышка.

Когда Хорошист уехал и скрежет его велосипеда затих в березовой роще, мутантики стали готовиться к экспедиции. Из-за карликов, спаливших во время первого нашествия их дом, вещей у них было немного. Шерстюши привыкли путешествовать налегке, лишь с небольшим рюкзаком за плечами, в котором хранилась провизия на несколько дней пути. Кроме еды Бормоглотик и Пупырь захватили с собой оружие – по большой брызгалке с водой из ручья, которая при столкновении с карликами была надежнее булавы или меча. У Бормоглотика был

² Отелло и дедушка Умник – лобастики, хорошие знакомые шерстюш, которые вместе с ними сражались с Рыжей Карлой в повести «Королева мутантиков». Главный Филин – летающий мутантик, вождь крыланов, живущих со своим народом под большим мостом на окраине Мутатерриторий. В последней битве они помогли мутантикам одержать победу над карликами.

с собой небольшой перочинный нож со множеством лезвий, щипчиков и открывалок, который подарила ему на Новый год Трюша и которым мутантик с двумя пупками очень гордился.

Мумуня, возясь с расхныкавшимися малышами, едва сдерживала слезы, а Пупырь, чтобы поддержать бодрость духа жены, громко и фальшиво насвистывал «Чижика-пыжика».

– Не волнуйся, мамуля! Мы попросим дедушку Умника, и он каждую ночь будет посылать тебе писемасны! – пообещала Трюша.

– Надеюсь, у меня не будет бессонницы и я смогу их посмотреть! – невесело пошутила Мумуня.

– Ну, берегись, Карла! Я вышел на тропу войны! – воскликнул Бормоглотик, закидывая рюкзак на плечи. Из него послышалось недовольное кваканье жабы Бибы.

– Присядьте на дорогу, чтобы путь был легким! – предложила Мумуня, и мутантики послушно уселись на диван, сложив руки на коленях. Внезапно раздался вопль Пупыря, и он подскочил метра на полтора. Оказалось, что папа-мутантик по рассеянности сел на пружину.

– Удачное начало опасного пути! Хорошая компания подобралась: старик на скейте, растяпа Хорошист да наше пузатое сокровище! Если у вас не будет в пути приключений, значит, я не знаю жизнь! – фыркнула Мумуня.

Глава 3

Воздушный шар

Даже сломанные часы дважды в сутки показывают точное время.
Дедушка Умник

Лучи восходящего солнца нерешительно проникли сквозь ставни в мрачный зал реактора и упали на лицо Рыжей Карлы. Королева рывком приподнялась на медвежьей шкуре, увидела карту, лежавшую рядом на полу, и мгновенно обо всем вспомнила.

– Подъем! Хватит дрыхнуть! – Повелительница стала трясти Требуху, которая спала на ступеньках трона, подложив под правую щеку измазанные жиром ладони. Рядом с толстухой громко похрапывал, словно чихал, начальник телохранителей Пуп, даже во сне сжимавший в руке короткую массивную булаву – символ своей власти.

Когда Требухе надоело, что кто-то ее трясет, она, не просыпаясь, превратилась в штангу. Убедившись, что ни разбудить, ни оторвать толстуху от пола не удастся, королева взялась за Пупа.

– Эй, недотепа, вставай! Мы выступаем! – крикнула она ему в ухо.

Но перебравший накануне начальник телохранителей заткнул ухо пальцем и перевернулся на другой бок. Тогда Рыжая Карла прищурилась и хлопнула в ладоши, призывая стражу.

– Значит, не желаете просыпаться! Ладно, сурки, дождетесь у меня! Облить их водой! – приказала она.

По распоряжению королевы в зал вбежал карлик Глюк с лейкой. Как только первые капли попали на Требуху и Пупа, те с диким воплем вскочили.

Пуп увидел в руках Глюка лейку, которую тот не успел спрятать за спину, и мстительно нахмурился.

– Ну спасибо тебе, Глюк! Спасибо, дружок! – прорычал он.

– Спасибо не булькает! – робко хихикнул карлик и тотчас получил такой удар, что не устоял на ногах.

– Пуп, Требуха! Проснулись, а теперь марш в поход! – заявила Рыжая Карла, выходя из-за трона.

– В поход? В какой? – поразился начальник телохранителей, потирая обожженные водой места.

– За сокровищами Черного пирата! Возможно, экспедиция займет у нас много месяцев. Ты рад, Пупочек? Не вижу в твоих глазах восторга! – насмешливо заметила королева.

Обомлевший Пуп разжал ладонь, и булава, символ его власти, с грохотом упала на плиты пола.

– Что стоишь, лысый череп? Живо собирай солдат! – рявкнула Карла, и начальник телохранителей пулей вылетел из зала.

Требуха, быстро оправившись от удивления, робко спросила, куда они направляются.

– Плыдем через океан, – коротко ответила королева.

При словах «плыть» и «океан» фаворитка вздрогнула, но попыталась скрыть страх. Внезапно в голову ей пришла тревожная мысль, она метнулась на кухню и, разогнав поварят, при ее приближении бросившихся прятаться в пустые котлы, стала набивать мешки копчеными вороньими и грачиными лапками.

– Маловато будет, надо с собой силки захватить! – бормотала толстуха.

Спустя десять минут во дворе реактора Рыжая Карла провела смотр той части войска, которую она брала с собой в дальний поход.

Бешеный Блюм вопил гнусавым голосом матерого сержанта:

– Отделение! Равняйся, сми-рно! По беспорядку номеров р-рассчитайся! Всем стать одного роста! Головы вобрать, животы выпятить!

На асфальте с проросшими сквозь него травой и кустарником в полном боевом снаряжении переминались с ноги на ногу готовые выступить карлики. Здесь были наши хорошие знакомые: Кука, Глюк, Обалдуй, Цыкающий Зуб, Жлоб, а также Кукиш, Свиное Рыло, Трам, учительница Грымза, шпион Нытик и повар Хапчик с поварятами Дрызгом и Бумом. Вдоль строя ходили Бешеный Блюм и Собачий Хвост, успевшие прийти в себя после вчерашнего купания.

Вначале некоторые карлики пытались шутить над вождями, решив, что водные процедуры поубавили их обычную спесь, но сразу поплатились за это. Через несколько минут эти ниспровергатели авторитетов со множеством шишек и переломов лежали в лазарете, залечивая раны, сопели от возмущения и жевали лейкопластырь – единственное лекарство, которое признают жители взорвавшейся АЭС.

Все карлики, а особенно Блюм и Хвост, были увешаны оружием, как елочными игрушками. Чего у них только не было: и копыя, и арбалеты, и метательные кинжалы, и булавы, и мечи, и кнуты с крючьями, и небольшие полукруглые щиты с острым выступом в середине! За спиной у Собачьего Хвоста висело подводное ружье внушительного вида, запасные металлические стрелы для которого хранились в колчане.

Одетая как для военных походов, Рыжая Карла произнесла короткую, но пламенную речь:

– Карлики! Мы отправляемся на край земли за Мечом-кладенцом! Наша дорога будет долгой, и возможно, не все вернутся, но те, кто не струсит, прославят свои имена! Обещаю отважным богатую добычу! Когда Меч окажется у меня, нам покорятся земли и не будет во всей Подлунной народа могущественнее карликов! Каждый из вас, слышите, каждый станет правителем одного из мутанародов, а я буду верховной повелительницей! Хотите ли вы идти за мной, мои воины?

– Да, королева! Мы с тобой до конца! Да здравствует Рыжая Карла! – раздались нестройные выкрики, и, воодушевленные обещаниями, карлики стали размахивать над головами оружием.

– Я буду повелителем мутанарода! – пискляво вопил Кукиш, молотя по воздуху палицей.

– Ты фначале фопли фытри, фофефитель! – язвительно посоветовал ему Цыкающий Зуб.

Стоя в строю рядом с Глюком, карлик Жлоб вытащил поломанный калькулятор и, нажимая на все кнопки подряд, стал считать:

– Значит, так, Глюк, за тобой должок! На случай если ты погибнешь, давай рассчитаемся прямо сейчас. Ты должен мне два кусочка стержня. Два – это один и один. Один плюс один равно одиннадцать, прибавляем нолик, который ничего не значит, и получается сто десять! Гони денежки!

– Размечтался, одноглазый! – Глюк выбил у вымогателя калькулятор и зашвырнул в пруд.

– Полезешь доставать! – рассвирепел Жлоб и бросился на обидчика с копьем, но Бешеный Блюм их растащил.

– Совсем сдурели! Здесь повелительница! Скажи спасибо, Глюк, что она не бросила тебя в пруд! – заорал он.

Опасаясь, как бы ее вдохновленные обещаниями подданные не начали потасовку, королева приказала воинству выступать.

Она забралась в повозку с колесами, сделанными из крышек канализационных люков, в которую были впряжены сорок красноглазых собак, и щелкнула бичом. С лязгом и скрипом колымага тронулась.

– Подождите меня, Ваше Величество! – Из реактора, размахивая руками, выбежала Требуха с мешком окорочков и на ходу вскочила в повозку.

Пуп тоже хотел забраться к королеве, но Карла его вытолкнула, заявив, что ему не мешает пробежаться, чтобы растрясти жирок. Требуха, также не отличавшаяся стройностью, затихла как мышь, опасаясь, как бы и ее не выставили из повозки.

За королевой на колеснице загрохотал по асфальту Бешеный Блюм. Суровый вождь подгонял собак, подсчитывая, насколько он опередит Собачьего Хвоста. Блюм не замечал, что, держась за тонкую веревку, привязанную к его колеснице, за ним на трехколесном велосипеде буксируется его молодой враг.

Кука, Обалдуй, Свиное Рыло и Жлоб ехали на самокатах, а Кукиш с Глюком – на детских педальных машинках, и было смешно и одновременно страшно смотреть на мрачных широкоплечих карликов, которые с серьезным видом используют этот забавный транспорт.

Нытик превратился в большое колесо со спицами и, быстро вращаясь, катился по дороге, лишь немного отстав от королевских вождей.

– И как у него голова не закружится? У меня бы точно закружилась! – завистливо ворчал Свиное Рыло.

Он держался за ручки самоката и отталкивался ногой от земли. Кукиш с Глюком сосредоточенно нажимали педальки своих машин, время от времени, так как гудки у них не работали, покрикивая «би-би».

Остальные карлики, придерживая бряцающее оружие, бежали размеренной и неторопливой рысцой, и должно было пройти много часов, прежде чем они начали бы уставать.

Рыжая Карла вела воинов к высохшему затону. Довольно плохо, как все мутантики, зная географию, она собиралась скакать по его дну до океана, найти в прибрежном порту сохранившийся корабль и доплыть на нем до необитаемого острова.

Не останавливаясь, чтобы сделать привал, реакторное воинство оставило позади Странный лес, наискось пересекло равнину и до наступления сумерек совершило переход в добрых восемьдесят километров.

Лишь увидев, что красноглазые собаки, мчавшие колесницу, начинают уставать, королева натянула поводья, остановилась и, спрыгнув на землю, впервые за день обернулась.

Они с Требухой были совершенно одни в степи, и лишь четверть часа спустя к ним начало подтягиваться уставшее войско. Вначале в клубе пыли показался Бешеный Блюм, за ним на буксире – Собачий Хвост, Нытик, самокатчики и последним, высунув язык, приковылял начальник телохранителей Пуп.

– Что тащитесь, как черепахи? Стыдитесь, я – слабая женщина – настолько вас опередила! – рывкнула Карла, со свойственной правителям небрежностью забывая, что в ее колесницу впряжены сорок лучших собак.

Видя, что подданные вконец вымотаны и сегодня едва ли смогут продолжить путешествие, повелительница смилостивилась и устроила привал. Вскоре посреди равнины запылали костры, над которыми на вертелах жарились кабаны туши. Между кострами, отгоняя зубастых карликов и грозя ошпарить их кипятком, деловито сновали повар Хапчик и его подручные Дрызг и Бум.

Хапчик был мрачнее тучи: находясь у всех на виду, он впервые в жизни ничего не мог украсть. Вынужденная честность приводила его в негодование, и он то и дело орал на голодных карликов, осмелившихся слишком близко подойти к котлам и тушам.

– Знаю я вас, ворье! Одно у вас на уме, как бы что слямзить! Катитесь колбаской по улице Спасской! – вопил старший повар, размахивая разделочным ножом.

Поужинав и швырнув Нерпе кость, Рыжая Карла пересела поближе к потрескивающему костру и приказала Пупу и Требухе превратиться в широкую кровать.

– Выступаем с рассветом! Хвост, прикажи выставить ночную стражу! – распорядилась она, расстелила на импровизированной постели шкуру и заснула.

– Перекусить, что ли? Эй, малый, а ну, подвинь-ка тот мешок! – проскрипела Требуха, вынужденная стать спинкой кровати.

Кое-как толстуха высвободила одну руку и стала жевать вороньи крылышки. Если бы это увидел человек неподготовленный, он наверняка решил бы, что спятил: кровать с торчащей из нее рукой, поедающая птичьи лапки!

– Тебе-то хорошо, тетушка, ты – спинка, а я матрас: на меня вся тяжесть приходится! – уныло пожаловался начальник телохранителей.

Хвост и Бешеный Блюм расставили вокруг походного лагеря ночную стражу, с ненавистью покосились друг на друга и, не выпуская из рук оружия, прилегли на походные деревянные щиты, которые, помимо защиты от стрел и копий, служили для переправы через неширокие водоемы.

– Надеюсь, ты не вернешься из похода, Хвост! Я с удовольствием буду присутствовать на твоих похоронах, – сказал Блюм.

– Взаимно, старик! Что касается твоих похорон, то их можно ускорить! – ответил молодой вождь и красноречиво прикоснулся к подводному ружью.

Обменявшись любезностями, ненавидевшие друг друга вожди погрузились в сон. Над лесом взошла полная луна, и наступила ночь – первая ночь великой экспедиции за сокровищами Черного пирата.

А сейчас вернемся немного назад, чтобы узнать, как дела у шерстюш и лобастиков.

В полдень, когда дедушка Умник на скейте,³ Бубнилка, Хорошист и Отелло встретились у ручья с Пупырем, Бормоглотиком и Трюшей, карликов уже и след простыл, и даже пыль от их колесниц и самокатов давно улеглась.

Ловко цепляясь за ветки, мутантик с двумя пупками забрался на верхушку самой высокой в лесу сосны и постарался с нее рассмотреть направление движения реакторных карликов.

– Эй, Бормоглот, видишь что-нибудь? Куда они пошли? – крикнула снизу Трюша.

Мутантик покачал головой. Хотя ни врагов, ни поднимаемой ими пыли он не заметил, Бормоглотик не сразу слез с дерева, любуясь открывшимся ему видом Мутатерриторий. Вокруг раскинулся лес, в котором кошачий мутантик вырос и который знал так же хорошо, как свое болотце.

У ручья шумел камыш, покачивались вершины – в лесу множеством оттенков желтого, красного, зеленого и оранжевого бушевала осень.

– Нашел их, Бормоглот? – снова крикнула Трюша.

– Не-а, ничего не видно! – донесся сверху голос ее жениха.

– Вот уж не думал, что нам когда-нибудь придется искать, и кого – карликов! «Во, блин, дела!» – как сказал бы Вильям Шекспир, – невесело усмехнулся Отелло.

Он был унылый лобастик, часто жаловался на жизнь и портил всем настроение. Со своим братом Хорошистом Отелло ссорился чуть ли не со дня рождения, и они вечно цеплялись друг к другу. Больше всего на свете Отелло любил приписывать Шекспиру всякие забавные фразы и часто повторял стишок собственного сочинения: «Кто Шекспира не читает, ни фиги о нем не знает!»

– А если настроиться на мысли карликов и по мыслям узнать, где они сейчас? – предложила Трюша.

– Хм, можно попробовать! Только не отвлекайте меня вопросами и не мешайте сосредоточиться! – Пошатываясь на слабых ногах, дедушка Умник перебрался со скейта на пень и, закрыв глаза, стал массировать виски.

– Он настраивается на телепаточастоты карликов! – прошептал Отелло на ухо Пупырю.

³ Дедушка Умник плохо ходил, а скейтом управлял мысленно.

– Что такое «телепаточастоты»? – удивился Пупырь. Шерстюш знал все философские толкования бытия и все трактаты по метафизике, но ничего не понимал в телепатии и телекинезе.

– Диапазон распространения мыслеволн! – зевнул Отелло. – У каждого мозга собственный вектор направленности и интенсивность телепаточастот. Как сказал бы Вильям Шекспир, «сумма углов в квадрате не мотивируется таблицей умножения».

Пупырь не понял ни слова, но, не желая признаться в этом, глубокомысленно кивнул.

Прошло несколько минут, прежде чем дедушка Умник вновь открыл глаза. Его странствующее в заоблачной выси сознание вернулось в тело.

– Что, дедусик, нашарил думалки карлюсиков? – спросила Бубнилка.

– Нашарить-то нашарил, да что толку? Если бы ты знала, какие тупые мысли у этих карликов! Они думают о чем угодно, только не о том, что нам нужно! – с раздражением проворчал Умник.

– Ты ни фигасики не узнал, отец? – разочаровался Хорошист.

– Почему не узнал? Разве я начинающий телепат, чтобы вернуться ни с чем? Пошарив по пустым головам, в конце концов я проник в мысли начальника телохранителей! – хитро улыбнулся старый лобастик.

– Пупа?

– Его самого! И зол же он! Ругает королеву упрямой Карлухой, потому что она не взяла его на колесницу. По обрывкам его мыслей мне удалось выяснить, что карлики направляются к океану по высохшему затону, найдут корабль и поплывут на необитаемый остров, где зарыты сокровища.

– А где находится остров? – спросил спустившийся с сосны Бормоглот.

– Пуп не знает, потому что карта у королевы.

– А в ее сознание нельзя забраться? Дедусик, пожалуйста, попробуй! Ты же умеешь! – Бубнилка прижалась к старику.

Лобастик погладил ее по похожей на редиску голове:

– Не все так просто, внученька. Рыжая Карла умеет выставлять мыслеблоки. В ее сознание можно проникнуть, лишь когда она спит, но тогда мы не узнаем координат, потому что цифры не будут ей сниться.

– Так я и знал, что у нас ничего не получится. С каждым годом дела идут все хуже! «Ща копыта отбросим!» – как сказал бы Вильям Шекспир, – ворчал Отелло, помогая отцу перебраться на скейт, которым старый лобастик управлял с помощью телекинеза (способности передвигать предметы на расстояние силой мысли). Этот навык развился у лобастика под старость взамен ослабевших ног.

– Какие мы времятерялки! Изруковонывывалительство! Надо устроить торопишки и поспешалища, а то будут опоздалки! Пора делать бежалки! – крикнул Хорошист, приплясывая на месте.

Он хотел немедленно отправиться в путь, но остальные участники экспедиции не были склонны разделить его пыл.

– Так просто за карликами не угнаться. Реакторное войско делает переходы почти по сто километров в день, а среди нас девушка, старик и ребенок. Скоро они выбьются из сил, и мы безнадежно отстанем, – здраво возразил Пупырь.

– Что же делать? – спросила Трюша.

– Думать, дочка, думать! Иногда пять минут подумать полезнее, чем пробежать тысячу верст! Это дурные головы ногам покоя не дают. – Укоризненно посмотрев на Хорошиста, папамутантик сел на камень, сложил на животике ручки и, шевеля большими пальцами, на долгие полчаса погрузился в размышления.

Бормоглотик затруднился бы сказать, думал ли Пупырь на самом деле или глубокомысленно тер нос, морщил лоб и вздыхал, изредка издавая многозначительные «м-м-м», «хм», «мда» или «угу». Порой кошачьему мутантику казалось, что отец его невесты притворяется, а иногда что он действительно размышляет. Наконец Пупырь, будто бы для того чтобы сосредоточиться, опустил голову на грудь, закрыл глаза и начал тихонько похрапывать.

– Обдурительство, вредительство и заносоводительство! Сказал, что будет думать, а сам устроил храпелки и соподрыги! – возмутился Хорошист.

Когда все убедились, что шерстюш спит, и хотели его разбудить, он вдруг вздрогнул, вскочил с камня и сказал:

– Провел я вас, оболтусы? Поверили, что я спал?

– А кто храпел?

– Как храпел? Вот так: «хр-шш, хр-шш-пшш». Это я не храпел, а размышлял!

– Ну и как, наразмышлял что-нибудь? – с иронией спросила Трюша.

Пупырь укоризненно покосился на нее и погрозил пальцем:

– И ты, ты могла в этом усомниться?! О дочери, как вам недостает доверия к собственным отцам! Разумеется, я нашел выход из положения! Если б это была чья-то чужая идея, а не моя собственная, я не постыдился бы назвать ее гениальной!

Отелло воткнул в землю прямую палочку и, взглянув на тень, увидел, что его простейшие солнечные часы показывают то ли второй, то ли третий час.

– Как сказал бы Вильям Шекспир, «полный атас»! Мы уже полдня потеряли! – пробурчал он.

– Буду совсем краток. Если мы не сможем догнать Карлуху на своих двоих, то должны изменить способ передвижения, – торжественно сказал папа-мутантик.

– Мы что, полетим, как курочки-рябы? Кудях-кудах? – Отелло насмешливо замахал руками, точно собирался оторваться от земли.

– Вот именно полетим! На воздушном шаре! – Пупырь победоносно взглянул на лобастика.

Тот хотел сказать, что у них нет воздушного шара, но вспомнил, что неподалеку от Старого города находится центр аэронавтики, или попросту воздухоплавания. Он уцелел после землетрясения, и, возможно, если поискать, шар там можно найти.

Опасаясь, как бы попутный ветер в сторону океана не переменялся, мутантики помчались к центру аэронавтики и час спустя перелезли через бетонный забор. База воздухоплавания, которая когда-то использовалась для метеорологических исследований, располагалась в невысоком двухэтажном здании, со всех сторон окруженном сараями и пристройками.

В центре аэронавтики все осталось, как в день взрыва на АЭС. Правда, с тех пор здание кое-где обвалилось, окна зияли черными дырами выбитых стекол, а деревянные части сараев выглядели обветшавшими.

Вскоре Хорошист, обладавший талантом очень быстро находить необходимое, обнаружил в ангаре хорошо сохранившийся воздушный шар с корзиной.

Стоило Бормоглоту дотронуться до поверхности шара, как у него проснулась память вещей – уникальное умение, свойственное на Мутатерриториях ему одному. Благодаря этому качеству кошачий мутантик, прикоснувшись, мог уяснить предназначение любого предмета или механизма, определить, как им управлять и как его чинить. Однажды он сумел восстановить ржавый трактор и во время одного из сражений разогнал им карликов. Правда, трактор быстро сломался, но память об этом подвиге сохранилась на Мутатерриториях на долгие времена.

А сейчас, бегая вокруг шара, Бормоглотик грамотно распоряжался, куда поставить заплатку, сколько баллонов со сжатым газом подтащить и как правильно прикрепить корзину.

– А мешки с песком зачем? – отдуваясь, спросил Пупырь, которому вместе с Отелло было поручено привязывать их к бортам корзины.

– Это балласт! Если шар начнет падать, мешки можно сбросить и набрать высоту, – объяснил его будущий зять.

– Мы еще и падать начнем? Ай-ай-ай! Может, я лучше на скейтике прокачусь? – встревожился дедушка Умник, справедливо полагая, что в его возрасте чем меньше подобных потрясений, тем лучше.

– Не волнуйтесь! С балластом нам бояться нечего! – заверил старичка Бормоглотик.

– А если будет лопалка? Мне как-то папусик шаричек надувал, а он взял да и устроил бабахалку! Мы едва не оглохли! – забеспокоилась Бубнилка.

– Шар для воздухоплавания не может лопнуть! Сверху и снизу в аэростате есть широкие отверстия для циркуляции подогретого воздуха. Это гарантирует от излишнего давления. – Кошачий мутантик говорил авторитетно и толково, словно читал инструкцию, и Бубнилка, хотя ничего не поняла, успокоилась.

– А дно корзины не может отвалиться? По-моему, оно плохо закреплено! – испуганно спросила Трюша.

– На глупые вопросы не отвечаю! – рассердился Бормоглотик.

– Почему глупые? Совсем не глупые! Представляешь, мы летим, а дно – бац! – оторвалось! Мы падаем – шмяк! – и от нас одни кости! – Трюша с ее не в меру богатым воображением представила ужасную картину.

Ее жених осторожно отвернул на баллоне кран, включил горелку, отрегулировал пламя, и шар стал быстро наполняться теплым воздухом. Вначале он пластом лежал на корзине, потом вздрогнул и, постепенно набухая, лениво приподнялся. Прошло минут двадцать, и вот, натянув канаты, которыми корзина была привязана к вбитым в бетон кольцам, огромный шар стал рваться в облака.

По веревочной лестнице мутантики забрались в корзину и помогли подняться в нее дедушке Умнику, который крепко вцепился в свой скейт.

– Ишь ты, всю жизнь не летал, а под старость угораздило! – ворчал лобастик, с опаской высунувшись из корзины и наблюдая, что земля с каждой минутой удаляется.

– Ты у меня бодрюсенький дедусик! На роликовой доске совсем старюсенький кататься научался! – напомнила Бубнилка, всегда поражавшаяся тому, какие фокусы выделяет на ней дед.

– То доска, а то воздушный шар! Ты бы еще чайник с Дедом Морозом сравнила! – недовольно проворчал Умник.

Вскоре шерстюши и лобастики поднялись высоко, и Мутатерритории предстали перед ними как крупномасштабная географическая карта. Вот Странный лес, похожий на огромную подкову, вот вьется голубой ниткой ручей, вот плотина, а неподалеку разрушенный фундамент реактора. Бормоглотик даже сумел разглядеть свое болотце, казавшееся сверху не больше железного рубля.

Вглядевшись в подзорную трубу, Пупырь заметил в степи пыль от колесниц карликов, мчащихся далеко впереди.

– В погоню! Да здравствуют честь и отвага! – воскликнул мутантик.

Глава 4

Под пиратским флагом

*Вот научусь плавать и стану грозой морей! Тогда берегитесь,
сухонутные крысы!*
Карла I Рыжая

Королева проснулась ночью от мысли, что у нее нет соответствующего костюма. Для Карлы, как для любой красивой женщины, одна эта мысль была невыносима. Если уж становиться пиратом и искать клад, то наряд должен быть подобающий! Она представила, что кто-нибудь нарисует ее парадный портрет, на котором она будет без тельняшки, и настроение у нее испортилось.

Неожиданно королеву что-то укололо в спину. Повелительница вскочила с кровати и толкнула ее ногой:

– Эй, Пуп, из тебя пружины торчат! Более неудобным матрасом ты не мог стать?

– Можно попробовать, – спросонья хрипло сказал начальник телохранителей и превратился в пружинный матрас производства мебельной фабрики города Ухоковыревска.

Рыжая Карла бесцеремонно растолкала вернувшуюся в свой истинный вид Требуху и учительницу Грымзу и заставила их шить пиратское платье.

– Я его так представляю: сверху – облегающая тельняшка, а снизу короткая кожаная юбка. И чтобы был просторный теплый плащ, который будет меня согревать на капитанском мостике во время штормов! – распорядилась она.

Требуха и Грымза, щурясь со сна, дружно взялись за иголки, и вскоре перед Карлой лежал готовый наряд. Королева придирчиво осмотрела его, примерила, взглянула на свое отражение в большой, начищенной до блеска сковороде, которую притащил повар Хапчик, и осталась довольна.

– Ух вы, мои мегерочки! Какие умницы! Дайте я вас расцелую! – Она звучно чмокнула портних, сплюнула в костер и отправила обеих карлиц спать.

Самой ей спать не хотелось, и она присела у огня, поглаживая Нерпу. Слышно было, как в темноте перекликаются часовые и потрескивают сучья в костре. Карла прилегла на сухую траву и стала смотреть на почти закатившуюся красную луну, которую любила намного больше солнца.

Глядя в ночное небо, королева подумала, что Черный Герцог сейчас, должно быть, возвращается с охоты. Огромная летучая мышь знает, что совсем скоро вдогонку луне с другой стороны неба покажется солнце и его лучи будут резать Герцогу глаза.

Дамский угодник Кука, стоявший на часах, чтобы не заснуть, достал из кармана пачку сигарет и откинул крышку большим пальцем.

– Ты слышал, что курить вредно? – зевнув, поинтересовалась Карла.

– Я и не курю, – возразил тот и сделал головой движение, будто стряхивал каплю с кончика носа.

– А сигареты тебе зачем?

– Чтобы их есть! Вот смотрите! – Кука молодежато проглотил две сигареты вместе с фильтрами, облизнулся и занюхал рукавом. Обычно на простодушных реакторных дам это производило впечатление лихого гусарства, и они падали обольстителю в объятия.

Но королева лишь брезгливо покосилась на него. Она была карлицей лишь наполовину и не могла привыкнуть ко многим привычкам своих подданных.

Наступил тот предутренний час, когда солнце и луна на короткое время встречаются на небе, и в одну из таких минут, случайно взглянув вверх, королева увидела между двумя светилами третье и не поверила своим глазам.

Большой белый круг быстро приближался со стороны леса. Некоторое время Карла ошеломленно вглядывалась в него, пока не поняла, что это воздушный шар с подвязанной под ним корзиной.

Шар летел невысоко над землей, и повелительница карликов сумела рассмотреть выглядывающую из корзины круглую веселую мордочку своего давнишнего врага Бормоглотика.

Рядом с кошачьим мутантиком показалась голова Отелло. Высоколобый интеллектуал пожирал справочник по химии и, явно дразня королеву, напевал старинную песню:

Потому что, потому что мы пилоты!
Небо наш, небо наш родимый дом!
Первым делом, первым делом самолеты,
Ну а девушки, а девушки – потом!

Всего несколько мгновений понадобилось Рыжей Карле, чтобы все понять. Мутантики наверняка проведали о кладе пирата, выудив эти сведения из голов ее туповатых подданных, в которых наглые телепаты-лобастики рылись, как в мусорных ведрах.

– Тревога! К оружию! Куда смотрит стража? Искупаю остолопов! – завопила королева, пинками расталкивая спящих карликов.

Воздушный шар с мутантиками был уже над их лагерем, всего в каких-нибудь десяти метрах.

– Сбейте его, идиоты! Немедленно сбейте! Да не меня, а шар! – орала Карла своим бестолковым солдатам.

Она швырнула в шар кинжал, но не смогла добросить, и, описав полукруг, он упал в траву.

Реакторные воины вскочили и стали метать в шар копья и дроты. Некоторые вонзались в днище корзины, но большая часть не долетала или пролетала мимо цели.

– Эй, недотепы! Выпишите себе очки! Таким воинам, как вы, семерым дохлого крота не одолеть! Как сказал бы Вильям Шекспир, мазила – он и в Африке не станет снайпером! – издевался Отелло, показывая карликам язык.

Но, как оказалось, дразнил он врагов напрасно.

– Тащите осадный арбалет! Живее шевелитесь, рохли! – закричала Рыжая Карла.

Обалдуй, Жлоб и Цыкающий Зуб вытащили из колесницы огромный арбалет, когда-то похищенный из исторического музея. Он был так велик и тяжел, что его можно было перевозить лишь на колеснице, а переносить вдвоем или втроем. Карлики установили громоздкое оружие на деревянный помост. Цыкающий Зуб зарядил арбалет тяжелой стрелой с гарпунным наконечником, к которой был привязан канат, а Обалдуй стал быстро вращать колесо, натягивая тетиву из бычьих жил.

– Пли! Сбейте их! – завопила Карла.

Нацелив арбалет на пролетающий шар с мутантиками, Жлоб нажал на спусковую пружину. Натянута до предела тетива, звякнув, распрямилась, и огромная стрела, вмиг преодолев расстояние, впилась в корзину с мутантиками, пронзив ее.

Путешественники почувствовали сильнейший удар. Им бы не поздоровилось, если бы стрела не застряла в мешке с песком. От удара друзья повалились друг на друга.

– Нас загарпунькали! Кошмарики! – закричал Хорошист, прижимая к себе дочь.

– Не фрякай меня, папусик! Я не люблю, когда меня фрякают! – отбивалась Бубнилка.

– Хватайте канат! Лезьте к ним! Не дайте улететь! – кричала обрадованная Карла.

Бешеный Блюм и Собачий Хвост вцепились в привязанный к стреле канат и, повиснув на нем, стали карабкаться к шару. Трюша, выглянув из корзины, с ужасом увидела, что в зубах у карликов зажаты кинжалы, а для чего они им, было ясно и без объяснений.

– Прикончите мутантов! Сбросьте мне сверху их головы! – кровожадно вопила Рыжая королева.

Опытные воины, ловко перебирая мощными, как у горилл, руками, быстро карабкались по канату. Первым лез Блюм, за ним, отстав совсем немного, Собачий Хвост.

Мутантики понимали: чтобы спастись, нужно во что бы то ни стало избавиться от каната, привязанного к гарпуну, но тот был сплетен из стальных проволок, а такой трос просто не перережешь.

– Папа! Бормоглот! Сделайте что-нибудь! – взмолилась Трюша.

– Спокуха, Трюха! Выключи кипятильник! Пупырь, давай сбросим балластные мешки!

Вытащив из кармана перочинный нож, кошачий мутантик свесился из корзины и перерезал веревку, удерживающую мешок с песком. Тяжеленный мешок полетел вниз, оглушил Бешеного Блюма и сшиб его с каната.

– Лови его! Разобьется, дурак, где еще такого найдешь? – завопила Карла. Она имела в виду Блюма, но Пуп отчего-то решил, что королева говорит о мешке.

– Ловлю, Ваше Величество! Ловлю! – Выставив руки, начальник телохранителей помчался перехватывать разогнавшийся с высоты пятидесятикилограммовый мешок. Это было так же глупо, как ловить сачком для бабочек разбушевавшегося носорога. Раздался шлепок, и мешок вдавил Пуpa в землю, а на мешок шлепнулся оглушенный Блюм.

– Что молчишь, Пуп, поймал, что ли? – нетерпеливо крикнула королева, не понимавшая, куда подевался начальник ее телохранителей.

Не снижая темпа, Бормоглотик один за другим обрезал веревки с мешками, устроив метавшимся внизу карликам настоящую бомбардировку. Собачий Хвост надеялся проникнуть в корзину незамеченным, но Пупырь надел ему на голову пустой бумажный пакет, а Трюша укусила карлика за палец руки, которой он вцепился в борт корзины. С воплем ослепленный вождь полетел вниз, свалившись на руки тетюшки Требухи, которая принялась укачивать его, как маленького, приговаривая: «Утю-утю-утю-тю!»

«Какой он хорошенький! Похож на небритого младенчика! Даже не пойму, чего мне хочется больше – выйти за него замуж или усыновить?» – размышляла толстуха, любясь Собачьим Хвостом.

Избавившись от балласта, воздушный шар стремительно набрал высоту, а усилившийся ветер погнал его к океану так быстро, что реакторные воины, помчавшиеся за ним на самокатах и велосипедах, вскоре значительно отстали и прекратили погоню.

Рыжая Карла клокотала так, что казалось, брызги на нее, вода закипела бы и испарилась, словно попала на раскаленную сковороду.

– Идиоты! Остолопы! Болваны! В порошок всех сотру! – орала королева.

Из-под мешка выбрался слегка приплюснутый начальник телохранителей Пуп. От удара в голове у него что-то временно сместилось, и он то и дело хихикал.

– Что смеешься? Вели запрягать собак! Не позволю мутантам опередить меня! – едва сдерживаясь, приказала Рыжая Карла.

– Хи-хи! Будет сделано, королева! Хи-хи! – И Пуп поплелся исполнять приказание.

Пока карлики ловили красноглазых собак и впрягали их в колесницу, повелительница немного успокоилась. Со знанием дела она вгляделась в размытый восход и потемневшее небо и неожиданно улыбнулась:

– Погода меняется. Опыт мне подсказывает, к вечеру будет вихрь, самый сильный из всех, которые я видела! Старый шар разорвет в клочья, а их зашвырнет в океан! Хотя им и удалось ускользнуть, на мутантиках можно ставить крест.

Не прошло и четверти часа, как сборы были завершены и реакторное войско с удвоенной энергией устремилось в путь. Впереди всех, подгоняя собак ударами бича, неслась королева.

– Нужно позаботиться, чтобы, когда начнется вихрь, мы были подальше от этих мест! – поделилась она опасениями с Требухой.

Чутье не обмануло Рыжую Карлу. Часам к трем дня ветер прекратился и наступило полное затишье. Но это мирное спокойствие было обманчивым: несколько минут спустя небо потемнело и съезжилось, затянутое неизвестно откуда взявшимися серыми тучами. Все замерло в ожидании чего-то грозного и неведомого.

Но, до того как налетел вихрь, королева прискакала на вершину холма и, натянув поводья, остановила колесницу. С возвышения она увидела океан, огромный, могучий, спокойный, лениво вздымавший седые волны. Но было ясно, что спокойствие водной стихии обманчиво: стоит ей разбушеваться, никакой силе в мире ее не удержать.

Требуха с ужасом смотрела на океан, охваченная животным страхом. При одной мысли, что им придется плыть по нему, ей хотелось превратиться в камень и не двигаться с места.

Королева вскоре отвернулась от океана, зная, что ей и так предстоит близко с ним познакомиться. Она разглядела большой деревянный сарай, стоявший в небольшой бухте. Не дожидаясь, пока подтянется ее уставшее войско, Карла направила колесницу к сараю. Дверь была заперта на цепь, но подъехавший следом за королевой Бешеный Блюм одним ударом булавы сшиб ее.

Едва королева, Требуха и старый вождь шагнули внутрь, как по крыше забарабанили крупные капли дождя.

– Вот и буря! Несладко придется мутантикам! – усмехнулась Карла.

Внезапно вихрь поднял песок до самых небес, и по берегу, сметая все на своем пути, промчался ураган.

Он чуть изменил направление, красноглазые собаки завyli, вместе с колесницами их оторвало от земли, и они оказались затянуты в круговорот урагана. Бешеный Блюм и королева мигом лишились средств передвижения, не успев сообразить, как это произошло. Некоторое время спустя из тучи на песок свалилась массивная крышка канализационного люка, являвшаяся колесом повозки Карлы, а собак, визжащих от ужаса, несколько часов спустя забросило в лесную чащу на севере Мутатерриторий. Из всех псов с королевой осталась только Нерпа, вбежавшая в сарай за хозяйкой.

– Наши песики! – закричала Требуха, вцепившаяся в дощатую дверь, хотя ураган уже пронесся.

– Нашла о чем вспомнить! Скажи спасибо, что сами целы остались! – мрачно сказал Блюм.

Ураган стих так же внезапно, как возник, и вскоре к сараю стали собираться обожженные карлики, не успевшие укрыться от проливного дождя. Последним появился начальник телохранителей, к удивлению королевы, совершенно сухой. В руке он держал большой зонтик, который, когда Пуп бросил его на землю, превратился в стонавшего Кукиша – известного подхалима.

Не обращая внимания на жалобы и нытье подданных, Карла отошла в глубь сарая, где чуть раньше разглядела огромный темный силуэт. Она отогнула брезент, которым была покрыта громада, и увидела деревянный просмоленный борт небольшого двухмачтового брига.

Когда перед королевой возник корабль, она почувствовала, как замерло ее сердце, а потом ощутила толчок – верное и безошибочное предчувствие удачи! Не прошло двух дней, как она покинула Мутатерритории, а судьба, слегка подразнив мелкими неприятностями, уже улыбнулась ей. Недаром бабушка-колдунья утверждала, что Карла родилась под счастливой звездой! Найти сохранившийся парусник на океанском побережье, и притом сразу, – разве это не удача?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.